

Марина
СЕРОВА

*Хорошее время,
чтобы умереть*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
Хорошее время, чтобы умереть
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5000833

Марина Серова. Хорошее время, чтобы умереть: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63021-9

Аннотация

Частный детектив Татьяна Иванова впервые столкнулась с таким делом, когда под подозрение попадают практически все знавшие потерпевшую. Старушка Ахолия Ягудина убита изуверским способом, ей в глаз воткнули какой-то железный предмет. Но странным кажется другое – Ягудину ненавидели все, кто с ней сталкивался. Даже родственники называют ее не иначе как Баба-яга и пугают домашних ее именем. Своим скандальным нравом Ахолия испортила отношения со всеми близкими и знакомыми. Даже не зная ее, у самой Татьяны чесались руки воткнуть ей что-нибудь острое в глаз. Видимо, кто-то и не удержался. Ни у одного из родственников, как выясняется, нет алиби на момент убийства, а некоторые из них в свое время профессионально занимались фехтованием...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Марина Серова

Хорошее время, чтобы умереть

Глава 1

– Ну, возьми эту, ну, прочти! Вот увидишь: тебе понравится, очень понравится! Я так просто зачиталась! Сюжет – супер, а герои такие прикольные...

Я недоверчиво просматривала книгу, которую упорно подсовывала мне Светка.

– Мне и читать-то некогда, – попробовала отговориться я.

– На это – время найдешь! – безапелляционно заявила подруга и подтолкнула меня к кассе.

В ее руках было аж целых четыре книжки, которые она прижимала к груди с таким благоговением, словно это было завещание какого-нибудь ее американского дедушки-миллиардера. Мы подошли к кассе, и я полезла в сумку за кошельком. Вообще-то, Светке можно доверять, вернее, ее вкусу: раз она говорит, что книжка жутко интересная, – значит, так оно и есть.

Через пару минут мы уже выходили на улицу, запихнув покупки в свои безразмерные дамско-хозяйственные сумки.

– Ну, что, я – к себе. А ты? – Светка сощурилась на весеннем солнце, поправила на носу очки-хамелеоны.

– А я, разумеется, – к себе. Очередное дело закончено, денежки я получила, – я любовно погладила бок моей лакированной, шоколадного цвета сумки, – можно устроить себе маленький отдых. Куплю по дороге побольше вкуснятины, приму ванну с каким-нибудь ароматическим маслом, потом завалюсь на диван и буду поедать вкуснятину и читать, читать...

– Счастливая, – вздохнула подруга. – А у меня еще три клиентки записаны на вечер. Мне как минимум до восьми торчать в салоне. Три стрижки, две из них – с укладкой, одна – с «химией». И еще я соседку обещала сегодня покрасить... Ну, давай!

Она махнула мне рукой и направилась к себе. Светка работала дамским мастером в одном из салонов красоты города. Время от времени я заглядывала к ней, и она приводила мою голову в надлежащий вид. Но пока было еще прохладно, я носила вязаный берет, и визит к подруге на ближайшие дни у меня запланирован не был. Посему я села в свою «девятку» и поехала к себе.

«Да, пожалуй, это хорошо, что я купила книгу, – рассуждала я по дороге. – Свои-то давно все перечитала. Сейчас действительно заверну в супермаркет, накуплю, как и мечтала, какой-нибудь вкуснятины – курочку гриль, например, и, наверное, пиццу с грибами и еще салатик, и лучше – с

креветками... Не забыть бы еще про кофе, мой кончается, а оставаться без любимого напитка мне вовсе не улыбалось. Вот заварю его сейчас в турке, и поплывет густой обалденный аромат по холостяцкой квартире частного сыщика...»

Мои сладкие мечты прервал, сам того не подозревая, мой друг и бывший однокурсник Андрей Мельников. Он стоял возле одного дома в числе других своих сотрудников за пестрой – красной с белым – ленточкой, загораживающей вход в один из подъездов. Вид у него был озабоченный. Рядом находились две машины с надписями «Полиция» и «Скорая», толпился кое-кто из прохожих, пытаясь заглянуть в подъезд. Так, Андрюша «на выезде», и, значит, что-то случилось. Я притормозила у обочины и вышла из своей «девятки».

– Граждане, проходим, не задерживаемся! Ничего интересного тут нет. Вы, дамочка, извиняюсь, куда?.. Ах, живете здесь! Показания дать можете?.. Ничего не знаете? Отметьтесь у участкового – вон он стоит – и можете проходить... А остальные – расходимся, граждане!..

Молодой человек с погонами младшего лейтенанта лихо сортировал толпу зевак. Я направилась было к Андрею, но меня тоже тормознули, и довольно бесцеремонно.

– А вы, девушка, извиняюсь, куда? Тоже здесь живете?

– Боже сохрани! Я – к Мельникову.

– К какому еще Мельникову?!

– Вашему сотруднику, вон он стоит. А это – мои документы...

Я показала младшему лейтенанту удостоверение частного сыщика, и мне милостиво разрешили поднырнуть под пеструю ленточку.

– Привет, Андрюша.

Он повернулся ко мне и удивленно вскинул брови.

– О! Ты, мать, здесь как?

– Проезжала мимо.

Мельников посмотрел на меня недоверчиво, прищутив левый глаз.

– Ну, клянусь: совершенно случайно проезжала мимо. Увидела тебя, дай, думаю, засвидетельствую свое почтение господину полицейскому.

– Да? А я уж было подумал, грешным делом, не нанял ли тебя кто из родственников погибшей... Еще удивился: как это – так быстро? Когда исхитрились успеть?..

– Не переживай, Андрюша, я сюда не за этим. Я, вообще, уже час, как выходная... А что, собственно говоря, здесь у вас стряслось?

– Ты это из чисто женского любопытства спрашиваешь или профессиональный интерес?

– Из чисто женского... Так что стряслось-то?

Мы отошли чуть в сторону от коллег Андрея, и он нехотя объяснил:

– У нас, мать, все, как обычно: серые милицмейские будни. В одной квартире старушку нашли мертвой...

– Хм! Удивил! Да, Мельников, так иногда бывает: стари-

ки, случается, и умирают...

– Да если бы так! Нет, Тань. Ее *убили*.

– А это точно? Андрюш, ты не торопись с выводами. Может, она сама того... от старости? Ты ее паспорт видел? Может, ей уже ровно девяносто восемь с половиной стукнуло?

– Боюсь, что это исключено. Я имею в виду смерть от старости. Видишь ли, ее нашли в прихожей – дверь в квартиру была открытой, – и она была... Как бы это сказать помягче?

– Ладно, чего уж там! Говори как есть, я тоже не в детской библиотеке работаю, всякого повидала.

– Одним словом, ей воткнули какой-то длинный острый предмет прямо в глаз, ну, что-то вроде шампура или шпаги. Эксперт говорит, что он скорее всего прошел мозг насквозь до самого затылка...

– Значит, орудие убийства не нашли?

– Пока нет, – подтвердил Андрей.

– Тогда откуда известно, что убили именно острым предметом?

– Эксперт сказал, что раз мозг частично вытек через глазницу...

– Что ж! Простенько и со вкусом, – мрачно пошутила я, а про себя подумала: «Жуть!», невольно поморщилась и полезла в сумку за сигаретами.

По роду своей сыскной деятельности мне приходилось видеть всякие страсти-мордасти, но почти каждый раз, сталкиваясь с новым преступлением, я испытывала нечто вроде

содрогания. Наверное, есть вещи, к которым просто нельзя привыкнуть.

– Да, убили старушку, – вздохнул Мельников. – А бабушка-то – божий одуванчик: маленькая, сухонькая, как девочка-подросток. Кому она помешала? Она бы и сама вскоре того...

В это время из подъезда вышел коллега Андрея – молодой симпатичный парень лет двадцати шести – двадцати семи – и подошел к Мельникову, покосившись на меня.

– Свои, – коротко бросил мой друг. – Ну, что там?

– Криминалист «пальчиков» не нашел, – сказал парень, поправив свои песочного цвета короткие волосы.

– Черт! Впрочем, этого можно было ожидать... Ладно. С трупом закончили?

– Да, Пахомов дал санитарам команду увозить.

– Ты сказал им, чтобы повнимательней там были? Может, где волосок или микрочастицы с одежды убийцы найдутся?

– Да что они, маленькие или впервой? Сами все знают.

Коллега Андрея снова покосился на меня. Тот перехватил его взгляд и сказал:

– Кстати, познакомьтесь: Татьяна, мой друг и по совместительству частный сыщик. Тань, а это – Никита, недавно к нам перевелся...

Мы с Никитой кивнули друг другу.

– Что особенного нашли в квартире? – спросил Андрей.

– Бабушка-то, похоже, антиквариатом увлекалась, –

усмехнулся молодой человек. – Картины, мебелишка девятнадцатого века, то да се...

– Это я и сам видел, – кивнул Андрей с кислым выражением лица и тоже достал из кармана куртки пачку сигарет.

– «То да се» – это что конкретно? – уточнила я.

– Тебе-то, мать, зачем?

– Так, профессиональное любопытство, – усмехнулась я, – впрочем, не отвечай, если не хочешь. Мне вообще все это до фени: я, если ты помнишь, выходная!

– Да, да, помню: уже час, как... Счастливая! А тут... Ладно, Тань, мне пора. С удовольствием поболтал бы с тобой, но надо еще всех соседей опросить... Звони, коли нужда будет, – Мельников отшвырнул недокуренную сигарету в сторону.

– И тебе всего наилучшего, Андрюша! – Я улыбнулась на прощание моему новому знакомому Никите и бодро зашагала к своей машине.

* * *

С того дня прошла целая неделя, даже, кажется, чуть больше. За это время я успела раскрыть одно небольшое и не очень сложное дельце с мужем-изменником и его любовницей-аферисткой, вымогавшей у него деньги, получила от жены-заказчицы заслуженное вознаграждение, дочитала купленную неделю назад книгу и теперь собиралась отдохнуть в

свой свободный вечер со Светкой в боулинге. Как раз сегодня у нее был выходной. Я открыла шифоньер и вынула из него зеленый джемпер из тонкой шерсти. Он так идет к моим зеленым глазам! Последние два дня на улице стояла хорошая весенняя погода, практически теплая, и я собиралась надеть этот джемпер с терракотовыми брюками и моей любимой ветровкой. И еще, пожалуй, надену сегодня новые демисезонные сапожки. Я уже потянулась к коробке, в которой они лежали, но телефонный звонок не дал мне достать их.

– Слушаю!

Наверное, мой голос прозвучал как-то не особенно довольно, потому что Андрей – а это был он на другом конце провода – ответил удивленно:

– Я что, так не вовремя?

И он еще спрашивает! Нет, вот сейчас все брошу и буду болтать с тобой, и, конечно, опоздаю на встречу со Светкой, и она будет меня ждать и будет потом выговаривать мне за опоздание. Но сказать так моему другу я, разумеется, не могла, все-таки Мельников помогал мне иногда в раскрытии моих дел, да и клиентов время от времени подбрасывал, и потому я сменила гнев на милость и как можно вежливее проворковала в трубку:

– Ну что ты, Андрюша! Очень даже вовремя. Я тут как раз, понимаешь, сижу, скучаю и думаю: хоть бы кто-нибудь позвонил, что ли!

Врать я, что ни говори, умела: должность обязывала. Что

это за сыщик, который не умеет врать и притворяться?! В этом деле он должен быть лучше самого лучшего артиста. Мельников мне поверил.

– Значит, мать, с тебя – магарыч!

Я даже оторопела от такой наглости. С меня?! Интересно, за что это? Андрюша мог иногда читать мои мысли. Он не стал дожидаться, когда я задам этот вопрос вслух.

– Возьмешься за то дельце, где бабушку убили?

– Бабушку? Какую бабушку? – не поняла я.

– Ну, помнишь, с неделю тому назад ты подъехала к нам, когда мы стояли возле дома номер шесть по улице Комсомольцев-добровольцев? Я тебе тогда еще сказал, что здесь старушку нашли мертвой, а ты мне сказала, что так, мол, бывает: старики, случается, и умирают? Что, мать, неужели не помнишь?

Разумеется, я сразу все вспомнила. Острый предмет в глаз... Через мозг, до самого затылка... Мозговое вещество вытекло через глазницу... Садюги! И что им старушка сделала?!

– Да, да, вспомнила... А сам-то ты что, «застрял» на этом деле?

– Представь себе. Там все оказалось охренительно сложно... И потом, мать, ты же знаешь, у меня и других дел много, повесили на меня, понимаешь, как на вешалку... А начальство требует: «Когда будешь дела сдавать? Когда будешь дела..?» Короче, Тань, берешься?

Я задумалась. Перспектива не радовала, скорее даже удручала. Нет, помочь своему другу я была готова всегда, но было бы неплохо, если бы мою готовность подогревал бы еще и материальный интерес. Я никогда не причисляла себя к доблестному племени альтруистов и потому решила осторожно прощупать почву насчет этого самого интереса:

– Андрюш, а у бабушки что, есть родственнички, готовые оказать, так сказать, *всяческое содействие* раскрытию преступления?

Я сделала особый нажим на слово *всяческое*. Мельников, по счастью, был догадлив.

– Угу. У погибшей нашелся внук, который, кстати, сейчас и обвиняется в убийстве старушки...

– Наследство? – предположила я.

– Оно самое. Бабуля-то наша была далеко не бедной, держала дома антиквариат: картины, хорошие книги прошлых веков, бронзовые статуэтки, побрякушки там... Да и денег у нее нашли ни много ни мало двести тысяч и еще в долларах кое-что.

– Ого! Зачем же она такие деньги дома хранила?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Да это я так, возмущаюсь себе тихо... Кем же она работала, интересно? – изумилась я. – Редкие бабули сейчас могут похвастать таким достатком. Может, она на протяжении последних сорока лет была директором большого универмага?

– Нет, Тань, к торговле наша старушка не имела абсолютно никакого отношения. Видишь ли, она всю жизнь проработала простым лаборантом в лаборатории санэпидемстанции.

– Как «лаборантом»?! – снова не удержалась я от изумления. – Подожди, Андрюша, так там же платят, насколько мне известно, буквально гроши!

– Да, да, и ее зарплата, и пенсия были настолько мизерными, что, по-хорошему, наша старушка должна была не антиквариат собирать, а бутылки на помойке.

– Может, она сама в свое время получила наследство? – выразила я предположение.

– Я и сам было так подумал и потому проверил... Нет, никакого наследства наша бабуля не получала. Никогда. Да и вряд ли кто-то захотел бы осчастливить ее таким образом: слишком уж все родственники были настроены против нее.

– В таком случае откуда «дровишки»? Старушка на досуге грабила банки?! Или продавала на базаре наркотики в вязанных собственноручно шерстяных носках? Знаешь, Андрюша, когда пенсионерки-лаборантки с нищенской пенсией в доме, полном антиквариата, вот так, запросто, держат двести тысяч, это, согласишься, как-то настораживает...

– Да, темная история, и я в этом сейчас копаюсь... И самое интересное, Тань, у нее с родственниками была просто жуткая напряженка. А теперь вот задержан внук, который один хоть как-то поддерживал с бабулей отношения. Если, конечно, это можно назвать отношениями...

– В каком смысле?

– В прямом. Старушка наша, как оказалось, имела настолько скверный и вредоносный характер, что сумела перессориться со всеми своими родственниками и соседями заодно. Она, похоже, навредила всем, кому только смогла, причем так конкретно, что все ее родственники стали ей если уж не явными врагами, то недругами – это точно!

– Надо же! Это как же так можно исхитриться? Просто баба Яга какая-то. А ее собственная семья – муж, дети?

– Не было у нее никогда ни мужа, ни детей. Сама подумай: какой дурак женился бы на такой ведьме? Ну, разве что мазохист какой-нибудь или шизофреник, и то в стадии острого обострения болезни...

– Подожди, Андрюша. Ты сам только что сказал, что у бабули есть внук. Сказал?

– Ну, да, внук-то есть...

– Так откуда же взялся внук, если не было, как ты говоришь, ни мужа, ни детей? Она что, *овнучила* его?

– Овнучила?.. А, ну, то есть ты хочешь сказать, взяла из детдома и оформила как внука... Нет, внук у нее родной, только это не ее внук...

Я растерялась. Что за белиберда такая? Как такое может быть? Или Мельников уже совсем там заработался со своими преступниками и жмуриками?

– Андрюша! Ты что за манеру взял говорить загадками? Или объясни доходчиво, что за внук такой таинственный,

или... Ты чего там смеешься? Смешинка в рот попала?

– Да нет... Я-то сразу не сообразил... Это мы тут его внуком называем, ну и... Короче, дело обстоит так: у бабульки нашей есть родная сестра. И вот этот внук – внук этой самой сестры, у той как раз и муж есть, и дети, вернее, сын. А нашей потерпевшей этот парень приходится внучатым племянником. Его одного она хоть как-то терпела и – удивительно! – поддерживала с ним отношения.

– А он терпел ее...

– Да, но и с ним она тоже иногда ругалась.

– Хм! Интересно, был в жизни нашей бабули хоть кто-то, с кем она *не* ругалась?

– Боюсь, не было таких. Даже с незнакомыми людьми на улице, по словам родственников и соседей, она умудрялась учинять разборки, причем вообще на пустом месте. Говорю же: скверного характера была покойница. Потому никто и не удивился, что ее кокнули, многие даже не скрывали радости по поводу ее кончины. Давно, говорят, надо было ее пришить, уж больно много крови она у всех попила...

– Однако! Значит, родственнички даже не скрывали своего негативного отношения к старушке?

– Не скрывали, Тань, не скрывали. Едва не сплясали от радости на ее могиле. Я к ней на похороны специально пришел, ну, знаешь, чтобы на месте, так сказать, посмотреть и послушать, что будут говорить про нее... Так вот, на похороны явилось всего, что называется, «два с половиной чело-

века», и те, похоже, больше для порядка или для очистки совести. Они не рыдали в голос, не причитали «На кого ты нас покинула?» и не заламывали руки. Все были в каком-то даже, я бы сказал, приподнятом настроении, на покойницу никто и мельком не взглянул. Быстренько так гроб заколотили, быстренько в могилу спихнули, быстренько закопали, и все тут же смылись с кладбища, причем в таком резвом темпе, словно стремились побыстрее отделаться от этого неприятного дела и убежать от могилы подальше. Потом все поехали в кафе, пили и ели там и даже смеялись, и никто и не думал скрывать своего хорошего настроения. И еще заметь: в кафе притащилось достаточно много народа, кого на кладбище близко не было.

– Чем дальше, тем интереснее... Только, Андрюша, я хотела бы все-таки уточнить насчет внука, того, который неродной. Так что, этот счастливчик имеет материальную возможность нанять частного сыщика и платить мне мою ставку – двести долларов в день? И чего он вообще хочет? Просто обелить свое честное благородное имя или найти убийцу любимой и безвременно ушедшей бабушки?

– Нет, Тань, тут дело обстоит совсем наоборот. Этот самый внучатый племянничек или племянничный внук – я уж не знаю, как правильно назвать, – так вот он подозревается в убийстве этой бабули, потому что наследство ее переходит именно к нему, а сам он – человек до жути бедный, безработный, практически бомж.

– Бомж?! Хорошенькое дельце! Мельников, ты это что сейчас, пошутил? Значит, по-твоему, этот внучатый бомж будет оплачивать мое расследование? Из каких таких доходов, позвольте спросить? Бутылок побольше соберет на своей помойке?

– Да ты дослушай, Тань. Во-первых, он не совсем бомж: у него все-таки есть жилье, хотя давно нет работы. Во-вторых, платить будет не он, а его жена, хотя и бывшая. Она меня уверила, что деньги у нее есть, даже мне предлагала, чтобы я ее бывшего оправдал... А в-третьих, если тебе действительно все это интересно и ты берешься за расследование, давай-ка приезжай завтра ко мне в отделение часикам этак к двум. Завтра у нас суббота, я работаю до обеда... максимум до трех. Ну, может, до полчетвертого...

– А если точнее, до четырех? Или до пяти? И это при условии, что тебя не вызовут на очередное убийство...

– Накарай мне еще! Нет, Тань, давай приезжай к трем, думаю, к этому времени я точно освобожусь, да и мои все тут разойдутся. Нам никто не будет мешать, и я тебе расскажу все подробно...

– Ладно, Андрюша, как скажешь, ровно в три я у тебя! – с готовностью согласилась я, положила трубку и посмотрела на часы. Черт! Светка меня уже наверняка ждет, сейчас позвонит и начнет выговаривать. Я бросилась к шифоньеру...

На другой день ровно в три я входила в кабинет моего друга. Он сидел за столом и говорил с кем-то по телефону. Кивнув мне, мол, располагайся и чувствуй себя как дома, Андрей продолжил препирательства со своим собеседником. Я опустила на стул, что стоял напротив его стола, достала из пакета, принесенного с собой, купленные по дороге пирожки и пачку пакетированного чая и положила все это перед Андреем. Надо же покормить трудягу, а то за весь день небось и чайку здесь не попил, а заодно и отблагодарить его за подкинутую мне работенку. Наконец мой друг нервно бросил трубку на аппарат и устало посмотрел на меня:

– Веришь, Тань, просто башка кругом! Своих дел полно, так тут еще этот придурок прицепился...

Внезапно Мельникова как будто осенило:

– Слушай, а что, если я тебя с ним познакомлю?

– С кем? – насторожилась я, беря с подоконника чайник. – С каким-то придурком?

– Да он, в общем-то, и не придурок, – поспешно поправился Андрей.

Ах, уже и не придурок! Мельников встал, взял из моих рук чайник и, заглянув в него и сочтя количество воды в нем достаточным, включил его в розетку.

– Это родственник нашего начальника, писатель, между

прочим, детективы пишет...

Последнюю фразу он сказал как-то уж чересчур поспешно.

– И зачем мне писатель?

Мельников пожал плечами.

– Может, он и о тебе книгу напишет.

– Обо мне? Ну, уж нет, спасибо! Знаю я, как они пишут... Лучше уж я сама о себе напишу, как-нибудь потом, когда свободного времени будет больше. Давай наконец поговорим о нашем внуке-племяннике погибшей. Что там за непонятная история? – Я взяла со стола Андрея его огромный бокал, больше похожий на пивную кружку, и поставила перед собой.

– А с племянником такая история. – Андрей освободил на своем столе место под пакет с пирожками, взял с подоконника еще один бокал, потом чайник, к этому времени уже закипевший, и налил нам обоим воду. – За пирожки спасибо, с утра ничего не ел... М-м! С капустой! И с мясом?! Большое вам русское мерси!.. Значит, мать, история такая. Расскажу все с самого начала, подробно, а то ты запутаешься в этих родственниках. Итак. Жила-была бабушка, звали ее Ягудина Ахoлия Ивановна...

– Ка-ак???

Наверное, у меня был очень удивленный вид. Я даже не донесла до рта свой пирожок. Андрюша бодро откусил добрую половину от своего и посмотрел на меня снисходитель-

но:

– Ты не ослышалась, именно так: Ахолия Ивановна, – сказал он, несмотря на набитый рот.

– А что, разве есть такое имя? – засомневалась я, опуская пакетик чая в свой бокал.

– Есть. Я даже в словаре специально посмотрел. Ахолия – греческое имя, означает «злая, жестокая».

Я чуть пирожком не поперхнулась:

– Какому же идиоту пришло в голову назвать так ребенка, да еще девочку?!

– В этом ты права: папаша нашей бабы Яги, как ты вчера изволила выразиться, был большим оригиналом. Он и вторую дочь называл не лучше: Аэлла, что в переводе с того же греческого значит «буря».

– О как! Нет, бывают же такие родители, а! Хорошо, Андрюша, что нас с тобой называли как нормальных людей, не «злыднями» и не «ураганами»... И что же дальше было с нашей бабушкой? Кстати, как, говоришь, ее фамилия?

– Ягудина.

– Тоже не подарок.

– Ага. И как родилась она с такой фамилией, так и осталась с ней до самой кончины. Ее сестра хоть замуж вышла и стала Белохвостиковой. Имя, кстати, тоже сменила. Была Аэллой, стала просто Эллой.

– И то лучше. Но давай вернемся к нашей Ягудиной... А вот интересно, как ее звали родители ласково? Холя? Холка?

Холюся?

– Тань, ну какое это теперь имеет значение?

– Так, интересно...

– Ах Юлия Ивановна наша, как я уже говорил, характер имела крайне тяжелый: даже с родной сестрой не ладила с самого детства, а когда та вышла замуж, пыталась поссорить ее с мужем, оболгать парня... Позже, когда у них родился сын, и про него говорила всякие гадости, жаловалась родителям на мальчишку почему зря и таким образом окончательно разругалась с сестрой.

– Это тебе сама сестра рассказала, вот эта самая Аэлла Ивановна?

– Элла Ивановна. Да, сама сестра и рассказала. Вот, кстати, ее адресок, поедешь, сама с ней переговоришь. Интересная, доложу я вам, дамочка: закончила какой-то там институт искусств, искусствовед, интеллигентная такая фифа, что называется, тонкая штучка. Несмотря на довольно преклонный возраст – а ей уже стукнуло семьдесят, – выглядит на пятьдесят... Ну, может, на пятьдесят пять... И подозреваемая номер один, во всяком случае, лично я так считаю.

– Сестра – номер один?!

– А что, именно близкие родственники и бывают порой самыми ненавистными. По словам Эллы Ивановны, они с сестрой последние лет пятнадцать вообще не общались, даже по телефону, настолько у них были враждебные отношения. Но это, сама понимаешь, надо проверить... А что ты так

удивляешься, Тань? Да, эта самая сестра, я считаю, – подозреваемая номер один: они всю жизнь друг друга ненавидели. Люто. А ненависть, сама знаешь: зреет, зреет, а потом в один прекрасный момент ка-ак...

– Так. С сестрой более или менее понятно. Будем работать. Кто у тебя еще в подозреваемых?

Я отпила немного из своего бокала, взяла со стола Андрея чистый лист бумаги, карандаш и написала: «№ 1. Белохвостикова Элла Ивановна. Сестра. Адрес...» Раз подозреваемых несколько, чтобы потом не запутаться в них, буду делать записи.

– Кто? Да тут куча народа. – Андрей откусил от нового пирожка, вытер руки носовым платком, выуженным из кармана брюк, начал листать какие-то бумаги на своем столе. – Да вот хотя бы этот – муж сестры, Белохвостиков Валерий Палыч. Тоже ненавидел свояченицу и совсем не скрывает этого: она его, как я уже говорил, называла весьма нелестными прозвищами, такими как «дебил», «недоумок», «бездарь», «водила-мудила»... Пардон, конечно, но это – со слов самого Белохвостикова и его супруги.

– И за что она о нем так нелестно?

– А у него, видишь ли, нет высшего образования, не сподобился, так сказать...

– А сама Ягудина?

– Ну как же! Медицинский институт. Даже, говорят, чуть ли не с отличием закончила, большие надежды подавала, но

из-за своего вредного склочного характера... Короче, обиделась, что не ее оставили в аспирантуре при кафедре инфекционных болезней, разругалась там со всеми в пух и прах и всем врагам назло пошла работать простым лаборантом в лабораторию санэпидемстанции.

– Может, надеялась выбиться со временем в заведующие или написать диссертацию про каких-нибудь паразитов?

– Кто теперь скажет, на что она там надеялась?! Факт остается фактом – проработала наша покойница в этой лаборатории сорок лет за смешную зарплату и вышла на пенсию – нищенскую, заметь, пенсию – без всяких званий и почета.

– Адресок санэпидемстанции?

Андрюша порылся в бумагах и продиктовал мне адрес.

– Так что там с «недоумком» и «бездарью»? – спросила я и записала у себя: «№ 2. Белохвостиков Валерий Павлович, муж сестры, водитель».

– Ничего.

– Как? Совсем ничего?

– Они были врагами, и все об этом знают. Он давно перестал поддерживать с ней хоть какие-то отношения, на свой порог даже не пускал. Это после того, как она в очередной раз назвала его нехорошим словом и закатила ему скандал. Кстати, этот «недоумок» долгие годы работал водителем директора музея – того, где, уже будучи пенсионеркой, до сих пор трудится его супруга-искусствовед. Там они и познакомились более сорока пяти лет назад...

– Романтическая история.

– Зря усмехаешься. Простой водила и искусствовед – крайне редкое сочетание.

– Согласна. Только, Андрюша, с чего ты взял, что я усмехаюсь? Наоборот, восторгаюсь: если такие разные люди столько лет прожили вместе – право, это достойно уважения! Думаю, муж сестры – человек порядочный и интеллигентный, несмотря на отсутствие образования.

– Да, на меня он произвел приятное впечатление. – Андрей достал из пакета последний пирожок, рассмотрел его со всех сторон и протянул мне. Я отрицательно мотнула головой, и Андрей с удовольствием вонзил в пирожок зубы.

– Но его ты тоже подозреваешь?

– Когда будешь разговаривать с ним сама, поймешь...

– А сколько ему лет?

– Он на пенсии, ему за семьдесят, и, в отличие от супруги, не работает. Но выглядит на все сто. Между прочим, ведет здоровый образ жизни: не пьет, не курит, по утрам делает зарядку на балконе. У него старенький «москвичонок», практически раритет. Дедок на нем на дачу ездит. Ну а дача – сама понимаешь: природа, костерок, шашлычок...

– Шампура, – поддакнула я, делая у себя в записях пометку.

– Да, именно что шампура! Потому мы и его взяли на заметку. – Андрей встал, чтобы подлить себе чая. – Ведь эксперт сказал, что орудием убийства мог быть и шампур или

длинное не очень тонкое лезвие.

– Кстати, орудие убийства так и не нашли?

– Нет.

– А у меня дома тоже есть шампура, – призналась я. – Но у меня – алиби!

– Шутить изволите, Татьяна Батьковна? А мне вот не до шуток. Начальство рвет и мечет: найдите скорее мерзавца, воткнувшего бабушке железку в глаз!.. Так, перейдем, однако, к третьему подозреваемому. Это у нас сын Белохвостиковых, Сергей Валерьевич. Сорок шесть лет, архитектор. Человек искусства: в маму. Женат, двое взрослых детей, живет со своей семьей недалеко от родителей, часто навещает их...

– Двое взрослых детей? – уточнила я, делая в записях пометку. – Один из этих детей и есть ваш главный подозреваемый и задержанный?

– Ага. Старший, Роман.

– И за что же ему выпала такая честь?

– Подожди, перейдем и к нему. А пока – более подробно о Сергее Валерьевиче...

В это время раздался телефонный звонок, и Андрей нехотя поднял трубку. Лицо его тут же скривилось, как от зубной боли. Он протянул мне лист бумаги, на, мол, читай пока, чтобы время зря не терять. Я пробежала глазами документ – это было заключение патологоанатома о смерти. Если опустить мудреные медицинские термины, суть заключения сводилась к тому, что тот «острый предмет, которым был

нанесен удар в левую глазницу пострадавшей, и вызвал ее смерть, практически мгновенную». «Колотая рана... Обильное кровотечение... Повреждение мозга... Смерть наступила предположительно между десятью и десятью тридцатью часами утра...» Я вернула документ на место. Между тем Андрей закончил свой недолгий разговор и буквально бросил трубку на аппарат.

– Черт! Татьяна, давай закругляться быстрее, а то сейчас сюда заявится этот... этот... – Андрей с грохотом поставил на стол свой бокал и побарабанил пальцами по столу. – Итак, на чем мы с тобой остановились?

– На Сергее Валерьевиче, сыне искусствоведа и водителя.

– Ага. Он у нас – архитектор, как я сказал, работает в проектной организации. Продвинутый дядя: освоил компьютерную графику, делает проекты зданий с ее помощью. Со своей тетушкой, нашей пострадавшей, давно не общался, но все равно жутко ненавидел ее.

– А этот-то за что?

– Я же сказал, она на него, еще маленького, наговаривала всякие гадости родителям: то он своровал ее заколку, то после его ухода у нее обнаружилась пропажа денег из кошелька или маленькой фарфоровой статуэтки... Мальчик терпел-терпел наговоры, а потом просто перестал ходить к тетке, а когда она – изредка – появлялась в доме его родителей, он прятался или убегал из дома...

– Да, ну и тетушка! Это просто счастье, что у меня нет та-

ких родственников. А чем подозрителен этот продвинутый архитектор, кроме ненависти к сестре матери?

– Сергей Валерьевич, видишь ли, в тот день взял на работе отгул. Отпросился, а внятно объяснить причину отсутствия на рабочем месте не может.

– И поэтому вы его подозреваете?

– Тань, его тетка столько грязи вылила на всю его семью, что человек мог и не сдержаться. Сама знаешь, как оно бывает: терпит-терпит человек, носит-носит в себе обиду, которая разъедает его изнутри, жить спокойно не дает, а потом ка-ак...

– Так, с племянником тоже все ясно, будем работать, – я сделала очередную пометку в записях. – Что там с Романом?

– Да, вот этого нам пришлось задержать, – вздохнул Андрей, – хотя я, честно говоря, не разделяю мнения начальства на его счет. Просто последние три года молодой человек нигде не работает, пьет, а ведь до недавнего времени он был... фехтовальщиком.

Я подняла глаза от бумаги и внимательно посмотрела на моего друга.

– Это не работа такая, нет, – поспешил объяснить Андрей. – Роман был мастером спорта по фехтованию. Женился, прожил с женой года два, а потом с ним случилось такое!..

Я во все глаза уставилась на Андрея. Что же такого особенного могло случиться с мастером спорта, что он докатился до полубомжового образа жизни, пил и даже подозрева-

ется в убийстве двоюродной бабушки?

– Вот на Романа я, пожалуй, остановлюсь и расскажу о нем поподробнее...

Мой друг набрал в грудь побольше воздуха, собираясь сообщить мне что-то чрезвычайно важное, но в это время опять зазвонил телефон на его столе. Андрей снова поморщился, даже, кажется, заскрипел зубами, но трубку тем не менее снял.

– Мельников слушает... Кто?.. Как?! Опять?.. Да где я ему возьму сюжет? Я что, писатель, этот, как его?.. Лев Толстой?.. Да не знаю я, о чем ему писать, Иван Матвеевич, пусть пишет, о чем хочет!.. Случай? Какой случай?.. Да у нас этих случаев!.. Нет, не могу я ему обо всех преступлениях рассказывать, некогда мне! Это сколько же времени займет! Мне дела надо раскрывать... Иван Матвеевич!.. Иван... Ив... Вот черт!

Андрей бросил трубку на аппарат и посмотрел на меня как-то жалобно, словно ища сочувствия.

– И вот скажи мне, Тань, на фига козе баян?!

– В смысле? – не поняла я.

– Навязали этого родственничка, черт бы его побрал! Сейчас припрется, Лев Толстой хренов! Матвейч меня уже достал, честное слово!.. Так, на чем я тут остановился? Ах да... Внучатый племянник Роман... Вот я и говорю: парню двадцать четыре года, он старший сын Сергея Валерьевича, но хлебнуть успел!.. В спорт его отдали рано: чуть ли не в пять

лет, он прошел секцию карате, и дрался, и плавал, и на лыжах успел побегать... Лет в десять подался в фехтование и застрял там. Показывал поразительные успехи, и тренер просто рыдал от счастья: у пацана были такие задатки! Упорный, движения легкие, тренировался с удовольствием, побеждал практически во всех соревнованиях... Но в шестнадцать лет влюбился в девчонку из своего двора – и пропал.

– Как?! – не удержалась я.

– Нет, не в прямом смысле. Просто стал много времени проводить под ее окнами, встречал ее после школы вместо того, чтобы идти на тренировку... Даже учиться стал хуже. Родители что только не делали! И уговаривали его, и подкупить пытались: обещали ему компьютер и мотоцикл, и пугали, что, мол, выгонят его из спорта – ничего не помогало. Из-за этой девчонки Роман даже подрался с кем-то из пацанов, и его поставили на учет в детскую комнату милиции. Но от своего он не отступил: продолжал встречать свою пассию после уроков возле школы и дарить цветы.

– А почему родители были так против их отношений? Все-таки мальчишке не десять лет, в его возрасте многие начинают встречаться с девчонками.

– Тут, видишь ли, сыграло роль то, что родители девочки, так сказать, люди другого круга: папашка сидел за «мокруху», а предприимчивая мамаша приторговывала паленой водкой и даже, говорят, наркотой, и все во дворе об этом знали.

– Ого! Да, пожалуй, я тоже была бы сильно против, если бы мой сын связался с девчонкой из такой семейки.

– Связался – это еще мягко сказано. Родители однажды нашли у Романа пакетик с белым порошком. У матери чуть не случился сердечный приступ, отец-архитектор, забыв про интеллигентность, схватился за ремень... Тут, по счастью, подошло время соревнований в другом городе, и парня сбагрили туда, к великой радости родичей. Но тренер был, так сказать, предупрежден.

– Но соревнования – это же ненадолго, – покачала я головой, – и это – не выход в данной ситуации. Наверное, надо было принимать более радикальные меры.

Андрей кивнул:

– Да, Роман вернулся, и в доме снова начались скандалы и истерики матери... Кончилось все довольно плачевно: однажды перед очередными соревнованиями парня просто дисквалифицировали... Говорят, он вообще едва не угодил за решетку: доза, найденная у него, тянула не на статью «употребление», а на статью «распространение». Только благодаря связям тренера дело удалось замять. И тем не менее эти двое голубков поженились, едва Роману стукнуло девятнадцать...

– Как?! Роман, мальчик из приличной семьи, спортсмен, женился на дочери уголовников? Даже после всего, что с ним из-за нее случилось?! – Моему изумлению не было предела. – Он что, совсем «без башни»?

– Ее, по-моему, у него просто снесло. Не зря же говорят: любовь зла.

– И как только его родители допустили такое?!

– Да они не допускали, Тань. Надо отдать им должное, они сделали все, что смогли: отобрали у него паспорт, деньги, унесли из дома всю его одежду и заперли ее в гараже... И его самого заперли. Но один человек – догадайся сама, кто именно, – дал молодым и деньги, и паспорт помог восстановить... Собственно, и свадьбу в кафе оплатила тоже она.

– Неужели бабушка Ягудина? – изумилась я.

Андрей кивнул.

– Но зачем? – продолжала я удивляться. – Она что, не понимала, что внучатый племянничек с такой женушкой может скатиться на самое дно социума?

– Тань, кто ее знает, зачем она помогла молодым со свадьбой и чем она вообще думала! Старушка отошла в мир иной, и мы не можем спросить ее, но факт остается фактом. А насчет скатиться на дно... Фактически так и случилось: Роман стал попивать на пару с тещей... Потом «откинулся» с зоны папашка молодой жены и с удовольствием примкнул к супружнице и зятю. Создалась такая «теплая» компашка... Белохвостиковы рыдали в голос и горстями пили успокоительное: они поняли, что потеряли своего сына и внука – в прошлом перспективного спортсмена. Роман одно время работал тренером в юношеской школе, потом, когда его несколько раз застали там подшофе, попросту уволили.

Да оно и неудивительно: кто же станет держать прогульщика и выпивоху?! Говорят, он устраивался в другие места, но ненадолго: тяга к спиртному не давала ему возможности закрепиться ни на одном месте.

– На что же он жил с молодой женой?

– Парень стал таскаться к родителям за деньгами и занимать у соседей. Они не давали ему: знали, что не на хлеб насущный просит. А вот бабушка Ягудина, как ни странно, с удовольствием подкидывала внучку «сотенки». Сестра погибшей уверяет, что Ахолия Ивановна специально подталакивала парня к пропасти. Черт ее знает, зачем она вообще влезла в это дело! Но что творит, думаю, понимала, она ведь тоже знала семейку этой девочки Насти, то есть теперь уже жены.

– А родители Романа пытались как-то помочь ему? Остановить, лечить от алкоголизма?

Андрей усмехнулся:

– Ты считаешь, таким можно помочь? Тем, кто сам добровольно идет к гибели?

Я предпочла не отвечать на этот риторический вопрос, вместо него задала Мельникову другой:

– Вы задержали его именно потому, что он умеет фехтовать?

Андрей кивнул.

– Да, как только мое начальство узнало, что он – мастер спорта по этому самому фехтованию, что много лет держал в

руках шпагу, тут же приказало арестовать его, ведь старушка Ягудина была убита – заметь – *точным* ударом острым предметом в глазницу, никаких царапин у нее на лице нет. Один удар – и глаза нет, и в мозгу – дырка.

– И вы рассудили, что преступник умеет обращаться с такими вещами, как рапира?

– Что?

– У фехтовальщиков, Андрюша, не шпага, а *рапира*, к твоему сведению.

– Господи, да какая разница?! Шпага, рапира... Результат, как говорится, налицо, точнее, *на лице* пострадавшей. Но главное – сразу выяснилось про наследство: я же тебе говорил вчера, этот Роман оказался единственным наследником своей бабушки. Квартира, полная антиквариата, денежные средства – все переходит ему.

– А «пальчиков» на месте преступления, я понимаю, вы так и не нашли?

Мельников встал и налил себе в бокал воды из чайника.

– Не нашли. Преступники, Тань, в последнее время поумнели: перед тем как пришить жертву, надевают перчатки. И эстетично, и для следствия остаешься инкогнито... Тебе еще чаю?

Я отрицательно мотнула головой, подумала некоторое время, перечитывая свой список, и вздохнула.

– Ладно, с Романом мы выясним. Еще подозреваемые есть? Например, второй ребенок Белохвостиковых, ты ведь

говори́л, их двое.

– Именно. Нет, со вторым ребенком все в порядке: это девочка, вернее, девушка Верочка, ей двадцать, она учится в институте, тихая, скромная, утешение родителей, не в пример непутевому Роману. К тому же в тот день она была в институте и ее видели человек тридцать, мы проверили на всякий пожарный. Поэтому Верочку мы исключили из списка подозреваемых... А вот что касается соседей Ягудиной...

Глава 2

Договорить Мельников не успел. В этот момент дверь его кабинета с грохотом открылась, и в комнату буквально ввалился молодой человек лет двадцати пяти – двадцати семи. Он был высок и худощав, его жиденькие волосенки, выкрашенные зачем-то в неестественный желтый цвет, были зачесаны назад и уложены с помощью лака, физиономия сияла, как масляный блин. На нем были новенькие, «с иголочки» джинсы и неопределенного цвета куртка. Увидев нас, плюгавенький весело осведомился:

– Скажите, а это – кабинет Мукомольникова?

Андрей, как мне показалось, даже немного покраснел и нахмурился.

– Нет, – ответил он несколько резковато, – это – кабинет *Мельникова!*

Плюгавенький достал из кармана куртки бумажку и заглянул в нее. Прочитав там что-то, он расплылся в улыбке, словно встретил старых добрых знакомых.

– Ну, конечно, Мельникова! – обрадованно подтвердил он и тут же восторженно воскликнул: – Ребята! А это я, Дарий Донцов! Я к вам от Ивана Матвеевича. Он вам звонил... Дождались меня?

Я перевела удивленный взгляд на моего друга: что это, мол, еще за явление Христа народу? Андрей, как мне пока-

залось, нервно передернул плечами.

– Дождались, – буркнул он, не скрывая своего недовольства, и указал вошедшему на стул, – посидите немного, у нас срочное дело, но мы скоро закончим.

– Ага, – с готовностью кивнул Дарий и шмякнулся на ближайший к двери стул, который жалобно скрипнул под ним.

– А ваша фамилия кажется мне знакомой, – сказала я в свою очередь. – Она вызывает у меня какие-то ассоциации... Кажется, что-то связано с книгами...

Родственник Андрюшиного начальства недовольно засопел, заелозил на своем стуле:

– Только не говорите мне, что читаете пошленькие детективчики моей тетки!

Я не успела открыть рот, чтобы ответить гостю, потому что Андрей опередил меня:

– Дискуссию на литературную тему вы потом проведете и, надеюсь, без меня. Время – четвертый час! И, между прочим, сегодня суббота. Мне что, ночевать здесь? Татьяна, давай наконец закончим, – недовольным тоном пробурчал он.

Я с готовностью кивнула. Андрей продолжил:

– Так вот, соседи Ягудиной тоже были с ней не в ладах, точнее, это она была с ними со всеми не в ладах. Говорят, она устраивала им скандалы по любому поводу: то у кого-то слишком громко играла музыка, то чей-то кот сделал лужу на ее половике, то наркоманы насорили в подъезде, а соседи, видите ли, не вмешались. А на одного мужика, который

выводил свою собаку на прогулку без намордника, она пятьдесят жалоб участковому накатала и еще грозила отравить эту собаку... В общем, бабульку нашу, по-моему, весь дом ненавидел.

— Ну, с соседями все понятно, — согласилась я, — сейчас редко кто живет в дружбе со своими соседями. А тем, кто все-таки живет — мое восхищение. Но родственники-то! С ними, я считаю, надо поддерживать цивилизованные отношения...

— Вы совершенно правы! — вдруг воскликнул молчавший до того гость и даже вскочил со стула. — Именно родственники — наша семья, наша опора в трудную жизненную минуту. Вот у меня совсем недавно был такой случай...

Глаза Андрея округлились, и он, повернувшись к Дарию, рявкнул:

— Послушайте, господин писатель!

— Да, да, — с готовностью подался вперед родственник начальства, — слушаю вас очень внимательно.

Андрей посмотрел на меня с недоумением: мол, нет, ты видела?! Ну что за идиот!

— Вам мама в детстве не говорила, что встречать в разговор посторонних людей некрасиво?

— Моя мама в детстве жила в деревне у своей бабушки, и меня у нее в то время не было.

Я невольно прыснула. Дарий посмотрел на меня удивленно. Я поспешила изобразить кашель, чтобы скрыть за ним

свой смех.

– А вам, девушка, надо пить синекот, это лекарство такое, от кашля. Я по телику в рекламе видел. Очень, знаете, помогает. Вот у меня недавно был случай...

Андрей снова перебил Дария:

– Извините, господин писатель. Мы с коллегой скоро закончим свой разговор и тогда послушаем вас, хорошо?

– Хорошо, хорошо, – с готовностью согласился гость и сел на место, – как скажете.

Андрей повернулся ко мне.

– Так вот, я и говорю... Кстати, о чем я говорил-то?

– О соседях, – подсказала я.

– Ага, вот я и говорю, ненавидели ее соседи, дружно, всем подъездом, а может, и всем домом. Если посчитать всех, кто имел на Ягудину зуб, наверняка десятка три наберется. Вот как в таком случае искать убийцу, Тань?

– Подожди, Андрюша, но, если столько подозреваемых в деле, почему вы задержали одного Романа? За что ему такая честь? По-моему, рядом с ним в кутузке должны сидеть и все остальные – его бабушка, дедушка, отец... Наверняка еще и десяток соседей отыщется, тех, кто ненавидел Ягудину и науськивал своих котов мочиться на ее порог. А убить таким способом, каким ее убили, – наука нехитрая...

Мельников ничего не успел ответить мне.

– А это про какую Ягудину вы говорите, ребята? – снова встрял в разговор гость. – Уж не про ту ли старушку, о ко-

торой мне дядя рассказывал? Которую топориком недавно пристукнули... Вот ведь времена, а! Новый Раскольников, значит, объявился? Да, этот мир не меняется.

Писатель горестно покачал головой. Мы с моим другом переглянулись.

– Но нашу старушку убили не топором, – возразил Мельников.

– Как?! А дядя сказал – топориком для рубки мяса.

– Нет, Иван Матвеевич что-то напутал или забыл. Ее убили чем-то острым, предположительно шампуром.

– Шампуром? А как же можно раскроить голову шампуром? – округлил глаза Дарий.

– А кто сказал, что ей *раскроили* голову? Ее скорее уж *проткнули*. Через глаз, до самого затылка. Аж часть мозга вытекла наружу через глазницу!

Писатель, как мне показалось, качнулся на своем стуле и даже заметно побледнел. Но уточнение Андрея подействовало на него наилучшим образом: он моментально заткнулся и молчал до того момента, пока мы не закончили разговор.

* * *

Когда я вышла из кабинета Мельникова и направилась к выходу из здания, оставив моего друга наедине с родственником его начальника, я сразу начала прикидывать: куда мне направиться в первую очередь? С чего начать свое расследо-

вание? Может, с родной сестры погибшей, Эллы Ивановны, стоящей в моем списке под номером «один»? Как-никак она была ее ближайшей родственницей, которая знала о Ягудиной больше других. Порасспрошу ее о детстве Ахолии Ивановны, о родителях... Надо же узнать, почему девочка Холя (или как там ее звали?) выросла таким монстром. Или лучше поговорить с отцом задержанного Романа? Кстати, Андрей сказал, что у него туговато с алиби: с работы отпросился, но для чего, так и не объяснил. А еще у Романа есть дедушка, любитель шлындать на стареньком «москвичонке» на дачу, где, возможно, имеется мангал и шампура, и потому с дедушкой тоже необходимо поговорить. И еще – соседи... Да, народа в деле, кажется, в самом деле многовато...

«Нет, – решила я, – уже подходя к своей машине и доставая ключи, – в первую очередь надо съездить к жене Романа, Насте Белохвостиковой. Потому что именно она, если верить Мельникову, обещает оплачивать мое расследование, а это – немаловажная причина посетить девушку. Во-первых, уточню с ней денежный вопрос, во-вторых, если она действительно собирается платить, возьму аванс и подпишу с ней договор об оказании услуг частного сыщика. В-третьих, выясню, откуда у нее деньги, если она из такой семьи: папаша – уголовник-алкоголик, мамаша – торгашка паленым спиртным и наркотой... Да, «повезло» же парню так вляпаться! Что ему, нормальных девчонок было мало?!»

Я села в машину и достала из сумки список подозревае-

мых. Улица Высокая, дом 69 – это и есть адрес Романовой жены. А его родители живут в доме номер 69-А. Да, один двор, можно сказать, соседи. Я выжала сцепление и выехала на проезжую часть.

Дом под номером 69 оказался четырехэтажной «сталинкой». Я знала такие дома – с высокими потолками и большими просторными комнатами. Нужная мне квартира оказалась под самой крышей, на четвертом этаже. Наверное, единственная в подъезде деревянная дверь с давно облупившейся масляной краской и допотопной ручкой даже не имела звонка, и мне пришлось постучать в нее кулаком. Впрочем, это ничего не дало: за дверью не было никаких признаков жизни. Я подождала некоторое время и постучала вторично, и на этот раз дверь открылась, но не та, что была нужна мне, а соседская. В щель просунулась физиономия пожилой женщины в платочке.

– Зря стараетесь: у них сейчас никого дома нет. Слышите ведь: тишина? Когда они дома, так шум стоит, как на войне. Все соседи от них уже устали.

Я решила воспользоваться ситуацией и спросила женщину:

– Скажите, Настя Белохвостикова здесь живет?

– Эта вертихвостка-то, прости господи? Нет, – с готовностью ответил мне неожиданный информатор, – она сейчас квартиру снимает. А раньше – да, здесь жила, с родителями,

если их можно так назвать.

– А что, они – плохие родители?

– Кто? Этот убийца и женушка его, алкашка? Да какие они родители?! Непутевые оба, прости господи! Вовка уж два раза сидел, любил, антихрист, руки распускать по пьяному делу, вот и дораспускался! А эта, жена-то его, Дуська-самогонщица, без него тут наловчилась водкой приторговывать. Мы уж и участковому писали, и в газету...

– Скажите, – перебила я бабушку-соседку, понимая, что она может увести разговор не туда, – а вот дочка их, Настя, почему она – вертихвостка?

– Да как «почему»?! – возмутилась старушка моему непониманию. – Да в какой семье она росла-то? Считаете, такие родители могут нормального ребенка воспитать?! Непутевые они, я же вам говорю! Отец два раза сидел, мать-самогонщица, без него тут водкой торговала, да и сама попивала, зараза! Прости, Господи, душу мою... И еще, бывало, мужиков водила. Кому водку продавала, кому и *кое-что другое*...

Старушка многозначительно подмигнула мне. Что должен был означать сей фамильярный знак? Если намек, то на что? Чем именно торговала Дуська-самогонщица? Наркотой? Собой?..

– Простите... Как ваше имя-отчество? – спросила я соседку.

– Пелагея Петровна.

– Ага. Пелагея Петровна, уточните, пожалуйста, чем

именно приторговывала мама Насти?

Старушка посмотрела на меня, как на деревенскую дурочку.

– Как чем? Ты что, не понимаешь, что ли? Ну, этим... самым...

Я округлила глаза и пожала плечами.

– Ну, интимом, прости господи! – старушка в сердцах даже сплюнула.

– А-а...

Я понимающе кивнула. Вот теперь все предельно ясно: водка и интим – чем еще может приторговывать женщина в отсутствие любимого мужа!

– Вся семья у них непутевая, – продолжала между тем Пелагея Петровна, высунувшись в дверь еще больше, видно, я вызывала у нее доверие. – И Настька тоже непутевая! Школу-то еле-еле закончила, и то аттестат ей купили...

– Кто купил? – тут же уточнила я.

– Бабушка ейного хахаля и купила, незадолго до свадьбы. Чтобы, значит, не позориться: что это за молодая, у которой даже школьного образования нет?! Вот и купила ей школьный аттестат и свадьбу им оплатила, потому как его родители против их отношений были. Я про это точно знаю... Хороший парень был, и родители у него – приличные люди. Как его угораздило связаться с этой шалавой?!

– Вы о Романе говорите? – уточнила я.

– О нем, о ком же еще?! Спортом парень занимался, на

этих... как их? Спицах таких длинных все сражался... А как в этой семейке пожил, так и пить начал. Так и пил, и пил... Работу, сердешный, потерял... А сейчас в кутузке, говорят, сидит, потому как бабушку свою, которая ему денег на свадьбу дала, «пришил»...

– А не знаете случайно, где Настя снимает квартиру? Мне необходимо увидеться с ней.

– А я почему знаю?! «Где сымает»... А вы, вообще, кто будете-то? Почему все расспрашиваете?

– Я из полиции, – решив не вдаваться в подробности, со-
врала я. В конце концов, какая разница, кто я и откуда?

– А-а... Ну, тогда понятно... Ваши уж приходили, тоже вопросы разные тут задавали... Я и им говорила: где-то в центре Настька квартиру сымает, там, где работает. Но с родителями не живет, это точно.

– А где она работает, не знаете случайно?

– В ентом... как его?.. Ночном доме каком-то... Я забыла, как называется-то.

– Может, в ночном клубе? – предположила я.

– Вот-вот, именно там! – обрадовалась старушка. – По-
хабная у нее работенка, скажу я вам! Чем вообще можно за-
ниматься в ночном клубе? Вот мы раньше, бывало, пойдем в клуб у себя в деревне, возьмем семечек, кино посмотрим... А какие фильмы нам крутили! М-м! «Свинарка и пастух» и еще «Небесный тихоход», и эта... как ее?.. «Свадьба с приданым» – вот! Ах, какие фильмы...

В это время открылась еще одна дверь, находящаяся на площадке, и из нее вышел парнишка лет семнадцати.

– Кирюха! Человек вот из органов пришел, ну-ка, скажи, знаешь, где дочка вот етих работает? Настька, Настька! – окликнула его Пелагея Петровна.

Парнишка покосился на меня.

– Ну, знаю, а че?

– Так скажи! Человек тебе что, просто так пришел?

– В «Желтой сове» она работает, – бросил на ходу парнишка, устремившись вниз по лестнице.

– У-у! Шалопай! – Пелагея Петровна погрозила ему вслед пальцем. – Слышали? Вот там и работает.

Я поблагодарила ее за сведения, попрощалась и вышла из подъезда. Если и ехать в ночной клуб, так только вечером, а сейчас, пожалуй, отправлюсь домой, попью кофейку и поразмышляю, как мне вести расследование. Да и поужинать не мешает, а то что-то под ложечкой сосет.

Я прыгнула в свою машину, покорно ожидавшую меня во дворе.

Дома я первым делом прошла на кухню и поставила воду на плиту. Потом переоделась в домашнее, сварила себе кофе и села в кресло с ногами. Мне необходимо было как-то сориентироваться в куче народа, окружавшего старушку Ягудину и ненавидевших ее – во всех родственниках и соседях. Я потянулась к сумке и достала листок бумаги, на котором де-

лала записи во время разговора с Андреем.

Итак, что мы имеем, Татьяна Александровна? Я отхлебнула глоток ароматного обжигающего напитка. А мы имеем какое-то, прямо скажем, некрасивое убийство богатенькой старушки. Хотя какое убийство можно назвать красивым? Если бы ее, допустим, застрелили, или задушили, или утопили бы в ванне, разве это было бы более эстетично? Любое убийство гадко, несмотря на мотив. А мотив у убийцы был, ой был! Не просто так же он притащился к старушке утречком и воткнул ей в глаз длинный острый предмет! Только вот что это за мотив? Если учесть склочный характер бабули, можно предположить, что она отравила кому-то жизнь, причем конкретно отравила, ведь за один соседский скандал из-за кошачьей мочи на коврике глаза не выкалывают!

Я отпила еще немного кофе. Думаю, здесь вариантов... Ну, скажем, три. Первый: бабуля кому-то конкретно нагадила большую кучу. Причем такую большую, что человек взял какой-то подвернувшийся подходящий предмет, пошел и воткнул его ей в глаз. Второй вариант: кто-то позарился на ее богатство – квартиру, денежки, антиквариат. И здесь (менты правы) у нас есть конкретный подозреваемый – наследник этого материального счастья, тот самый внук Роман, к тому же, на его беду, безработный. Возможен, конечно, и третий вариант, хотя и менее вероятный: убийство произошло *случайно*. Да, в моей практике бывало и такое: кто-то нечаянно выстрелил, кто-то нечаянно задушил партнера (на-

пример, во время садомазохистских сексуальных забав), так что сбрасывать эту версию со счетов пока не стоит. Хотя, с другой стороны, маловероятно, чтобы кто-то из знакомых, придя с утра пораньше к старушке на блины, *нечаянно* ткнул ей чем-то острым в глаз, притом так метко, что попал с одного раза. Чтобы кое-что проверить и уточнить, мне надо будет осмотреть жилище погибшей. С разрешения Мельникова, разумеется.

Но это я могу сделать и попозже, а сегодня познакомлюсь для начала с бывшей женой Романа, Настей, и посмотрю, что это за штучка и чем она там зарабатывает в ночном клубе. Я допила кофе и отнесла пустую чашку на кухню. В раковине, оказывается, скопилось много грязной посуды. Черт, откуда она там взялась? Вроде бы недавно я все вымыла... Пришлось засучить рукава и взяться за моющее средство.

В десять часов вечера я надела прикид, соответствующий случаю, наложила косметику на лицо, взбила волосы в пышную прическу, вышла из дома и села в машину. Теперь мой путь лежал в ночной клуб «Желтая сова». Это было довольно известное увеселительное заведение нашего города, здесь тусовалась большей частью праздная богатая молодежь. Припарковав машину на стоянке возле клуба, я зашла внутрь.

Меня встретил легкий полумрак, запах кальяна и спиртного. Играла музыка в стиле «пьяный поп», под потолком крутилось несколько шаров – из разноцветного стекла и зер-

кальных, отчего по полу, стенам и столикам бегали веселые «зайчики». Попадая посетителям в глаза, они на секунду слепили. Было еще не очень шумно, публику, что называется, «не разогрели». Десяток юнцов и девчонок не танцевали, а скорее лениво кривлялись в середине небольшого танцзала, по стенам которого располагались столики. Настоящее веселье, я знала, начнется ближе к полуночи, сейчас же можно было просто «потусить» с друзьями, пообщаться, попить коктейли. Я подошла к барной стойке и взяла себе безалкогольный коктейль, оставив щедрую сдачу молодому улыбчивому бармену.

Потягивая густой абрикосовый сок с мороженым, кусочками ананаса и привкусом ликера (только привкусом), я посмотрела вокруг. Мне приходилось бывать здесь и одной – по делу, и с друзьями. В правом углу помещения и намного выше уровня пола находилась небольшая круглая сцена с блестящим металлическим шестом посередине, что-то вроде приличных размеров балкона. Там выступали танцовщицы. Сейчас на сцене никого не было, она даже не освещалась прожектором. Я допила коктейль и поставила пустой стакан на стойку. Бармен забрал его.

– Простите, у вас тут, говорят, работает одна девушка – Настей зовут, фамилия – Белохвостикова... Знаете такую?

Бармен пожал плечами:

– У нас тут целых две Насти. Но их фамилии я не знаю. Одна официантка, а вторая – танцовщица. Хотя официантка

– Самсонова, кажется.

– А как найти вторую?

– Она в гримерке, должно быть. Все танцовщицы сидят там.

– И как мне попасть в гримерку?

– Это вон туда – направо. Там коридор за черной дверью, в конце него – лестница на второй этаж, а там увидите.

Я поблагодарила улыбчивого бармена и отправилась по указанному маршруту.

В маленькой тесной, но ярко освещенной комнатке было три туалетных столика с зеркалами и три стула перед ними, на которых сидели три девушки и о чем-то оживленно беседовали. При моем появлении все три разом смолкли, как по команде. Я обвела девушек взглядом. Им было лет по восемнадцать-двадцать. Все три фигуристые, длинноволосые, одетые лишь в нижнее белье. Одна была жгучей брюнеткой, другая – рыжей и третья – блондинкой, уж не знаю, натуральной или искусно крашенной. Симпатичные мордашки танцовщиц с немимым вопросом повернулись ко мне. Было видно, что мое появление было им не особо приятно.

– Вам кого? – не слишком вежливо осведомилась брюнетка, окидывая меня оценивающим взглядом.

– Здравствуйте. Мне нужна Белохвостикова Настя, – ответила я, намеренно выделив слово «Здравствуйте»: мне хотелось преподать урок вежливости этим невеждам.

Брюнетка с блондинкой моментально повернулись к ры-

жеволосой подружке. Та удивленно посмотрела на меня:

– Я – Настя... А вы кто?

– А я от Мельникова, – лаконично объяснила я.

Рыжеволосая тихо ахнула и вскочила со своего стула.

– Так он все-таки позвонил вам... Он мне обещал, что свяжется с частным сыщиком...

При этих словах две другие девушки с удивлением уставились на меня.

– Насть, че за дела? – спросила блондинка.

– Это по поводу Романа, – коротко бросила подругам рыжая и, схватив со спинки стула легкий халатик, больше похожий на пеньюар, направилась к двери, – пойдемте, поговорим в другой комнате.

Другой комнатой оказалась еще более тесная каморка, заставленная кронштейнами, на которых на крохотных плечиках висели какие-то коротенькие полупрозрачные юбочки, пеньюары, серебристые бюстгалтеры, шляпки с перьями и прочая актерская дребедень. На полках стояли туфли – целая сотня, не меньше. Они были разных цветов и моделей, но у всех были головокружительной высоты каблуки.

– Здесь нам не помешают, – доверительно сообщила девушка, закрывая дверь, и указала мне на единственный стул, – садитесь.

Стул был каким-то кособоким и не внушал мне доверия, и я предпочла постоять. Настя тоже не села, лишь облокотилась на стену плечом.

– Меня зовут Татьяна Иванова, – представилась я.

– Да, Андрей Васильевич говорил мне... А вы вправду того?.. Частный сыщик?

Я достала из сумочки удостоверение и показала девушке.

– Хорошо, – кивнула она, – тогда вытащите из кутузки моего Романа.

Взгляд у нее при этом стал жалобным. Я внимательно рассмотрела девушку. Она была довольно симпатичной, с правильными чертами лица и большими голубыми глазами, не слишком тонкие брови лежали над ними изящными дугами. Конечно, тут не обошлось без косметики, но ей как артистке даже положено. Чуть волнистые волосы ее свисали почти до пояса. Да, ничего не скажешь, девочка симпатичная, и неудивительно, что парень, я имею в виду подозреваемого, так запал на нее.

– Настя, не сочтите за наглость, но мне для начала хотелось бы оговорить условия нашего контракта.

Танцовщица, по счастью, оказалась понятливой.

– Вы о деньгах? Да, я могу заплатить вам, я здесь хорошо получаю.

– Моя ставка – двести долларов в день, плюс дополнительные расходы на вынужденные обеды в точках общественного питания – если придется общаться там с нужными людьми...

Она не дала мне договорить.

– Татьяна, вы мне не объясняйте, я на все согласна, вы только Ромку вытащите...

– Кстати, о Ромке, – кивнула я. – Настя, это правда, что вы с ним разошлись?

Взгляд ее стал каким-то тоскливым. Она пожевала своими пухлыми накрашенными губами, как бы соображая, что мне ответить, и наконец выдала:

– Правда.

– Причина?

Девушка посмотрела на меня удивленно:

– В смысле – почему разбежались?

Я кивнула.

– Это я, дура, виновата, – вздохнула она. – Надо было сразу нам с ним на съемную квартиру уходить. Просто я тогда в продуктовом магазине работала, получала в три раза меньше, чем здесь, денег у нас было мало, вот мы и жили у моих предков. А там обстановочка – будь здоров! Врагу не пожелаешь...

– Я побывала у вас дома, – призналась я, – правда, мне никто не открыл. Но зато я пообщалась с вашей соседкой...

– Это с Петровной, что ли?! Нашли с кем общаться! Да она уже лет десять, как из ума выжила, психушка по ней плачет. Ага. Вы ее не слушайте, она – дура! Представляю, *что* она вам наговорила, старая карга...

Настя хмыкнула и с презрением поджала губы.

– Ничего особенного она не наговорила, – заверила я мою новую клиентку, – так... все в общих чертах...

– А с Ромкой мы поначалу хорошо жили, – вдруг разот-

кровенничалась девушка, очень хорошо. – Он ведь на мне назло своим родичам женился, представляете? Ага... Так влюбился в меня, дурачок! Чуть из спорта из-за меня не вылетел... Потом-то, правда, все равно вылетел. И еще дрался из-за меня! С пацанами с нашего двора. Его из-за этого даже на учет в ментуре поставили...

В ее голосе слышалось неприкрытое хвастовство. Настя рассказывала, как начала встречаться с Романом, как он уверял ее в своих чувствах, читал стихи, дарил цветы... Естественно, его родители, эти придурки, были против. А чем, спрашивается, она им не угодила? Ну, да, образование у нее того... подкачало, можно сказать. Но одиннадцать классов-то она закончила, у нее и аттестат имеется! Последние слова девушка произнесла даже с какой-то гордостью. Конечно, Ромка после школы поступил в институт спорта и даже первый курс закончил, и даже на «отлично». Ну и что с того? Она, Настя, если бы захотела, тоже могла бы пойти в институт. В какой? М-м... Да хоть в какой! Она, к примеру, два года в балетной студии занималась, правда, это было давно, в детстве... Зато, перед тем как поступить сюда на работу, полгода занималась в студии тантрического танца. И, между прочим, не бесплатно: за месяц по «десятке» там башляла!

– Так почему вы все-таки с Романом разбежались? – напомнила я ей свой вопрос.

– Так я и говорю: потому что у моих жили. Вот жили бы

отдельно... А так – папка у меня того... тяжелый на характер. Может и в морду дать при случае. И мамка того... выпить любит. Иногда. Редко, но пьет много. А как начнет – так на неделю запой, а то и на две. И Ромка начал с ними того... выпивать. Я ему говорила: даже не садись. А мамка ему: «А что, зятек, запаadlo тебе с тещей выпить?» Ну, он, дурачок, и сажился. А потом так его затянуло... Он же у меня слабохарактерный. Нет, он хороший и добрый, правда. Вот меня, к примеру, никогда не обижал, а еще за мамку заступался, когда папка ее по пьяни колотил. И знаете, что я вам скажу, Татьяна? Ромка не мог бабушку свою грохнуть, честное слово, не мог!

– Почему вы так думаете?

– Так я же говорю: добрый он чересчур, дурачок. Ага. Он, наоборот, всегда за всех заступался, вот ежели кто кого обижает, так он всегда вмешивается и слабых защищает. А потом, это ведь Ахолия Ивановна помогла нам со свадьбой и денег дала, и паспорт Ромке помогла новый получить, его-то документы родители-придурки у него стырили, представляете? Думали таким образом нам свадьбу сорвать. Ага! Как же! Ахолия Ивановна и паспорт новый ему сварганила, и денег дала на кафешку.

– А насчет завещания вы в курсе?

– Завещания? А, ну да. В курсе. Ахолия Ивановна все Ромке завещала: и квартиру, и все, что в квартире... А у нее там – картины – жуть! Дорогушие! Одна, говорят, полтора

миллиона стоит. Это какие же дураки за кусок тряпки в деревянной рамке такие деньжища выкладывают? А еще у нее такая статуэтка есть, не поверите – голый мужик. Вот такая, небольшая, на тумбочке стоит. Роман говорил мне, что эта фигня почти «пол-лимона» стоит!.. А что?

– И все это завещано вашему бывшему мужу?

– Все. Его одного Ахолия Ивановна любила, а остальную родню терпеть не могла!

«Равно, как и они ее», – мелькнуло у меня.

– Да они же там все придурки! И сестрица ее, и муженек этой сестрицы... Вы не думайте, мы с Ромкой вообще классно жили, он – парень клевый. Случайно разошлись, – продолжала между тем Настя.

– Как это? – опешила я. – Разве можно развестись с мужем *случайно*?

– Можно, – усмехнулась танцовщица, – просто я тогда на него такая злая была! Ругала, ругала его за пьянку! А он, дурак, не реагирует. Ага. Четвертый день он тогда порол... Ой, извините... пил. Или пятый? Нет, шестой, точно шестой. Пил и пил, дурак, беспробудно... Да, да, шестой день шел... А впрочем, это не имеет значения. Ну, я со злости пошла и подала на развод. Я сначала просто попугать его хотела, ну а как еще можно на мужика подействовать?! Он тогда и мои деньги пропил, что-то около двух тысяч, и «пятихатку», которую ему Ахолия дала. Ага. Ну, я и побежала в ЗАГС и накатала заявление. Детей, мол, все равно не имеем, а с

алкашом жить нет никаких сил, так что разведите...

– А потом что, пожалели о своем поступке?

– Не поверишь, пожалела, – неожиданно переходя на «ты», вздохнула Настя и поправила свои золотые локоны. – Он же такой хороший! Добрый. Честный... И он без меня совсем пропадет, я одна его, дурака, и держу на плаву...

Она полезла в карман халатика и достала пачку сигарет. Закурила, выпустила дым в сторону, почесала свой аккуратненький носик. Я заметила, что у нее очень длинные ногти, расписанные замысловатым узором. После небольшой паузы она продолжила:

– Нет, ты думай себе, что хочешь, а Ромка не мог свою бабушку грохнуть, никак не мог. Мы же только благодаря ей и поженились. Да и денег на свадьбу где бы мы взяли, если бы не баба Холя? Ой, она не любила, когда ее так называли, требовала, чтобы по имени-отчеству, не иначе... А вообще-то, вздорная старуха была, скажу я тебе. Ага. Гадкая какая-то. На меня пару раз ни за что наорала... Прицепилась ни с того ни с сего. Дура!.. Я вот сейчас знаешь что думаю? Роман-то у меня теперь богатый, может, мы с ним снова поженимся, и я его вылечу от алкоголизма... на бабкины деньги. А? Как ты думаешь?

Девушка смотрела на меня с надеждой.

– Может, и вылечишь, – тоже переходя на «ты», ответила я: а чего церемониться, если сам клиент панибратствует? – Только надо еще доказать, что твой Роман невиновен, а то

его могут и посадить, и наследства лишить.

– Как лишить наследства?! – возмутилась Настя. – Это еще почему? Не имеют права!

– Имеют, – возразила я.

– А ты это точно знаешь? Может, все-таки не имеют? – сощурила она голубые глаза, смотря на меня недоверчиво.

– Я – юрист по образованию, так что можешь не сомневаться. Если окажется, что это Роман... так поступил с бабушкой, то наследства ему точно не видать, понятно? Потому и надо доказать, что он невиновен.

– Так докажи! – вскричала клиентка. – А я – свидетель.

– Свидетель чего? – уточнила я. – Где он был во время убийства? С тобой?

Танцовщица заметно погрузстнела. Она стряхнула пепел с сигареты прямо на пол и неохотно выдавила из себя:

– Нет, со мной он не был. Я у себя дома спала, отсыпалась после бессонной ночи, я же в тот день работала.

– У себя – это на съемной квартире? – уточнила я.

Она кивнула.

– А где ты квартиру снимаешь?

– Здесь недалеко, минут десять ходьбы, – и Настя продиктовала мне свой адрес.

Я запомнила его.

– Слушай, – вдруг встрепенулась она, – а может, сказать им, что в момент убийства я была с ним? Я имею в виду ментов...

– Даже не думай, – предупредила я. – Советую говорить только правду, особенно мне, поняла?

Девушка кивнула.

– А что, если все-таки того?.. Соврать? – осторожно спросила она. – Ради Ромки...

– Поймают на лжи – хуже будет, – предупредила я. – Вообще перестанут верить. Кстати, ты ему адвоката наняла?

– Предки Романа кого-то там нашли из своих знакомых.

– Это хорошо, без адвоката в таких делах нельзя. Что еще можешь сказать по делу?

Она пожала плечами.

– Вообще-то, я ничего не знаю. Мне самой сообщили...

Ну, что эти придурки Ромку арестовали.

– Не арестовали, а пока только задержали, – поправила я.

Настя сердито тряхнула волосами.

– Какая разница?! Хрен редьки не слаще, как говорит моя мамка. Он же в кутузке! Тань, ты давай его как-то того... вызволяй оттуда.

– Непременно. Только хотелось бы для начала получить аванс, – напомнила я.

– Деньги могу дать хоть завтра. Вот только выплусь после работы. Я обычно до часа сплю, ага, а иногда и до двух. А то ночь намаешься здесь... я ведь до четырех утра работаю... танцую... А в обед, после двух, можешь подъезжать, деньги я приготовлю.

– Предлагаю обменяться телефонами, – сказала я, доста-

вая свой из кармана джинсов.

– Зачем? – удивилась девушка и тут же спохватилась. – А! Ты имеешь в виду номерами! Набирай: восемь, девятьсот двадцать...

Я быстро щелкала кнопками моего мобильного.

Через пять минут Настя свернула нашу беседу: ей пора было готовиться к выступлению. Мы вышли из каморки. Она нырнула к себе в гримерку, а я спустилась в зал, взяла еще один безалкогольный коктейль, кое-что из закуски, села в самом дальнем уголке за свободным столиком и приготовилась смотреть выступление танцовщиц. Вскоре первая из них – брюнетка – появилась на балконе. Они выходили по очереди, одна за другой, и исполняли свои эротические танцы. Настя вышла второй. Она была одета в очень откровенный серебристый купальник, едва прикрывающий ее интимные места. На ее ногах были туфли – такие же серебристые, на высоченном тонком каблуке. Заиграла лирическая музыка, девушка начала извиваться вокруг шеста, старательно выпячивая бюст и попу. Может быть, я плохо разбираюсь в тантрических танцах, так сказать, не доросла до настоящего искусства, но мне выступление моей новой клиентки показалось чересчур вульгарным и совершенно не понравилось. Впрочем, зрители аплодировали, а на бис она даже сошла со своего балкона и прошлась по залу, останавливаясь возле некоторых мужчин и молодых людей, которые с удовольствием засовывали деньги ей за резинку трусиков и за бюстгаль-

тер. В благодарность Настя посылала им воздушные поцелуи, подмигивала, давала кое-кому шлепнуть себя по практически голому задку. Я не стала ждать продолжения культурной клубной программы, вышла на улицу и отправилась восвояси.

Прежде чем лечь спать, я еще какое-то время посидела в кресле с сигареткой и чашкой кофе и поразмышляла о своем новом деле. Что ж, дело как дело, не лучше и не хуже других десятков подобных. Правда, заказчица на этот раз, похоже, не блещет особым интеллектом, зато платить готова без лишних вопросов, а это главное. Завтра после обеда заеду к ней за авансом, подпишу договор и сразу примусь за работу. Значит, она просит оправдать своего муженька, бывшего муженька. Интересно, она его действительно любит или ее интерес подогревает перспектива попользоваться его наследством, доставшимся ему от бабушки? Если на молодого человека свалилось нежданное счастье в виде отдельной двухкомнатной квартирki, да еще полной антиквариата, это вызывает у меня сомнение в искренности девушки. Сама она, похоже, выросла в жуткой бедности. Родители – алкаши и уголовники, что они могли дать дочери? Им с Романом, как я поняла, и свадьбу-то не на что было справить. Если бы не добрая бабушка Ахолия Ивановна. Тогда, с одной стороны, они должны быть очень благодарны ей за столь широкий жест, а с другой, возможно, знали о наследстве и, так сказать, решили поторопить события – отправить старушку в

лучший мир, чтобы самим остаться с ее добром и денежками. Во всяком случае, надо будет выяснить, где именно находился наш подозреваемый на момент убийства. И за этим мне придется съездить к моему другу Мельникову и договориться с ним о свидании с Романом. Конечно, можно было обойтись расспросом Андрюши об алиби парня, ведь они уже допрашивали его, но я предпочитала делать все сама и получать информацию только из первых рук. Роман мог и соврать следователю, чтобы выгородить себя или близкого человека. Иногда подозреваемые врут получше самого барона Мюнхаузена... Нет уж, для успокоения совести я должна сама посмотреть на этого горе-фехтовальщика, собственными глазами.

И еще надо будет побеседовать с сестрой погибшей, да и бывших сослуживцев старушки Ягудиной навестить не помешает: иногда эти люди выдают такие сведения, которые проливают свет на события. Может, с кем-то из них она даже дружила...

Вопросы... Вопросы... Впрочем, я любила это состояние, когда окунаешься с головой в привычную захватывающую атмосферу тайн преступления, когда разгадываешь одну за другой его загадки, беседуешь с участниками событий, следишь за ними, выходишь в конце концов на преступника и разоблачаешь его в такой момент, когда он ждет этого меньше всего.

Помозговав почти до полуночи и набросав план расследо-

вания на ближайшее время – в самых общих чертах, – я наконец-то отправилась спать.

Глава 3

Мое воскресное утро началось с хорошей физической разминки. Почти час я занималась с железом, качалась с гантелями на шведской стенке, потом подтягивалась на ней и приседала со штангой на плечах. После контрастного душа и сушки головы феном я с удовольствием уселась на кухне за стол, достав предварительно из холодильника сыр и масло, а из хлебницы – батон ржаного. Чайник на плите ворчливо закипел, и вместе с его свистком требовательно зазвонил домашний телефон. Пришлось отложить на время хлеб и нож, пойти в комнату и взять трубку.

– Слушаю.

– Привет, Тань, это я...

Голос Мельникова на том конце провода был уставшим и каким-то даже, я бы сказала, грустным. Не выспался, бедолага? Или его «подопечные» вконец его доконали?

– Рада тебя слышать, Андрюша. По делу звонишь или как?

– По делу.

– Все-то ты в трудах праведных, государь, аки пчела.

– Я уже не пчела, я уже шмель – мохнатый и злой! – и скоро начну жалить всех подряд! – рявкнул в трубку Мельников.

– Ого! Андрюша, это кто же тебя так довел?! – возмутилась я.

– Да тот вчерашний писака, родственничек нашего обожаемого начальства, – процедил Мельников сквозь зубы.

– Этот Дарий Донцов? Чем же он тебя довел, Андрюша? Когда я вчера от тебя уходила, ты имел еще вполне сносный вид.

– Спасибо. Только этот вид был уже одной видимостью. На самом деле я еле сдерживался, чтобы не послать этого бумагомараку куда подальше. Ты даже не представляешь, Тань, как он достал меня своими расспросами про нашу работу! И как вы выезжаете на места преступления, и как вы расследуете эти самые преступления, и как вы вычисляете преступников?.. Мне что, делать больше нечего, как лекции читать всяким детективщикам недоделанным?!

– А почему ты думаешь, что он «недоделанный»? – спросила я. – Ты же детективов не читаешь. Может, он очень даже хороший писатель, известный?

– Кто известный? Дарий Донцов известный? Тань, ты что такое говоришь? Вот ты, к примеру, о нем слышала?

– Я – нет. Но, может, он широко известен, так сказать, в узких кругах...

– В узких кругах ограниченных людей? Ну, там-то, может, и известен! Например, среди своих родственничков. Может, его книги только его мама с папой и читают. Ну, еще дядя, наше обожаемое начальство, и его дражайшая половина – тетя...

– Значит, он тебя конкретно вчера достал? – подытожила

я.

– Ты даже не представляешь, как! И знаешь что, Тань, я вчера в сердцах это... Может, и зря сделал, но... так получилось...

– Ну, Мельников, не тяни. Что ты такое сделал? Упек его на пятнадцать суток?

– Да как его упечешь-то: племянник начальства?! Нет, я того... Дал ему номер твоего телефона! – выпалил наконец Андрюша.

– Что? – ужаснулась я. – Вот этому... хм... Мельников! Зачем?

– Тань, ну, извини, но он меня просто достал! Понимаешь?

– Это я как раз понимаю, а телефон-то мой тут при чем?! И вообще, Андрюша, что я тебе такого плохого сделала, что ты слил мой номер этому чудикау?

– А я что плохого сделал своему начальству, что оно меня отдало на растерзание этому Дарию?..

– Ты, Андрюша, знаешь что, давай сам разбирайся со своим начальством и его творческими родственниками, а меня в свои дела не впутывай. Что мне теперь с этим писателем делать, если он начнет звонить мне?

– Что значит «если»? – удивился Мельников. – Обязательно начнет, вот увидишь!

– Да? Ну, спасибо тебе, Андрюша, удружил! Век буду помнить, – язвительно выдала я.

– Да ладно, Тань, ты особо не расстраивайся. Этот Дарий, в общем-то, безобиден. Только вот чересчур занудный, – попытался успокоить меня Мельников. – Но от занудства, насколько я знаю, у нас еще никто не умирал...

– Кроме людей, окружающих зануду, – добавила я и уже более миролюбивым тоном заключила: – Ладно, Мельников, так и быть, я сегодня добрая, и на этот раз я тебя прощу, если... устроишь мне встречу с вашим подозреваемым.

– Встречу? – Андрей на минуту задумался. – Хорошо, Тань, считай, что уговорила.

– Завтра. Во сколько подъезжать? – решила я закрепить отвоеванную позицию.

– М-м-м... Во сколько?... Давай часикам к одиннадцати.

– Как скажешь, Андрюша. В одиннадцать я у тебя.

Я положила трубку и вернулась в кухню. Мой завтрак уже подходил к концу, когда вновь раздался телефонный звонок. Пришлось снова пойти в комнату.

– Слушаю.

– Здравствуйте, Татьяна, – раздался в трубке уже знакомый мне голос Дария.

– И вам не хворать, – не особенно любезно ответила я.

Звонивший, казалось, не заметил моей неприветливости.

– Вы меня узнали?

– Еще бы! Вы – знаменитый писатель-детективщик, Дарий Донцов. Я права?

– Ну, так уж и знаменитый! – В его голосе сквозило пло-

хо скрываемое удовольствие. – Я, вообще-то, недавно пишу, пробую, так сказать, перо.

– И как? – поинтересовалась я.

– Что «как»? – не понял Дарий.

– Как вам перо?

– В каком смысле?

– Но вы же его пробуете! Вот я и спрашиваю: как вам перо?

На том конце провода повисла тишина, наверное, писатель придумывал, что бы мне ответить пооригинальней. Так ничего и не придумав, он решил перевести разговор на другую тему.

– Татьяна, как вы думаете, откуда у меня номер вашего телефона? – лукаво спросил Дарий.

– Я думаю, вам его слил мой друг Андрей Мельников, – ответила я.

– Да-а? – разочарованно протянул писатель. – Вообще-то, вы правы. Он сказал, что вы – частный детектив и можете помочь мне в выборе сюжета для моей новой книги.

– Что ж, он прав, – подтвердила я, вздохнув, – это мое самое любимое занятие – подсказывать писателям сюжеты для их новых книг.

– Правда? – обрадовался мой новый знакомый, не уловив сарказма в моем голосе. – Тогда, может, вы и мне подкинете какой-нибудь *эдакий* сюжетец?

«Я-то могу подкинуть, – подумала я, – только вот ты пой-

маешь ли? – Но вслух я, разумеется, этого не сказала. Пожалуй, все-таки не стоит «подкалывать» родственничка Андриюшиного начальства, а то неизвестно еще, как он на это отреагирует. Вдруг пожалуется дяде, тот даст нагоняй Мельникову, и встреча с нашим подозреваемым может мне и не обломиться, а это, в свою очередь, замедлит мое расследование». Поэтому я сказала:

– Хорошо. Дайте мне время подумать, и я подарю вам роскошный сюжет для вашей книги.

– Правда? – обрадовался писатель. – Тогда, Татьяна, запишите номера моих телефонов... И можете звонить в любое время дня и ночи!

«Ой, спасибо, что разрешили!» – чуть не сказала я. Делать мне больше нечего, как по ночам разным писателям звонить, сюжеты подкидывать. Но тем не менее я записала номера его телефонов – домашнего и мобильного – и, попрощавшись, положила трубку. Потом я взяла листок со списком подозреваемых в деле старушки Ягудиной и нашла номер ее сестры, Эллы Ивановны. Сегодня у нас воскресенье, дамочка, скорее всего, дома, так что можно встретиться с ней и мило побеседовать о детстве нашей погибшей и вообще разузнать на месте, как там и что. Как они жили, как дружили, хотя бы в далеком детстве, а может, и не дружили вовсе, не всегда родные сестры любят друг друга до беспамятства.

Я набрала ее домашний номер, и вскоре мне ответил при-

ятный женский голос, прекрасно поставленный и с артистическими нотками.

– Квартира Белохвостиковых.

– Здравствуйте. Мне нужна Элла Ивановна, – сказала я.

– Слушаю вас.

Очень приятный голос, таким обычно говорят дикторы или экскурсоводы. Ну, еще дамы высшего общества. Подчеркнуто любезно, но с достоинством, выдержанно, мы, мол, себе цену знаем. А ведь ее внук сидит в «обезьяннике» с подозрением на убийство! Или ей на него, что называется, начхать?

– Я – частный детектив, меня зовут Татьяна Иванова. Я расследую дело убийства вашей сестры...

Она слушала меня, не прерывая. Я коротко объяснила, зачем мне необходимо встретиться с ней.

– Кто вас нанял? – вдруг спросила она холодно-любезно.

«Хороший вопрос. Ну, и как мне быть? Сказать правду, мол, бывшая жена вашего драгоценного внука, – возможно, она даже бросит трубку или пошлет меня куда подальше, ведь мне хорошо известно, *как* они все относятся к Насте. Но ей это тоже нужно: оправдать мальчика, ее близкого родственника, которому грозит до пятнадцати лет тюрьмы». Я решила ответить уклончиво, главным для меня было попасть в их дом, а там на месте что-нибудь придумаем.

– Меня нанял человек, которому, скажем так, небезразлична судьба вашего внука.

Интересно, устроит ее такое объяснение? Она помолчала буквально пару секунд – выдержала этакую театральную паузу, затем негромко сказала:

– Хорошо, подъезжайте. Запишите адрес...

Она продиктовала мне адрес, который, разумеется, был мне прекрасно известен, но я сделала вид, что записала его, поблагодарила собеседницу и начала собираться. До двух часов, на которые у меня была назначена встреча с моей клиенткой, было еще достаточно времени, зачем же терять его понапрасну?

* * *

Квартира Белохвостиковых расположилась в такой же четырехэтажной «сталинке», как и квартира Насти, только на третьем этаже. Современная железная дверь с глазком и ковриком на полу, веселая трель звонка, после которой за дверью слышался знакомый уже женский голос:

– Кто там?

– Я – Татьяна Иванова, я вам звонила...

Щелкнул замок, и в проеме двери показалась женская статная фигура. Мельников был прав: Элла Ивановна выглядела гораздо моложе своих семидесяти лет. Пятьдесят не пятьдесят, но шестьдесят или около того я точно ей дала бы. Темные крашенные волосы были аккуратно уложены в высокую прическу, карие глаза подведены карандашом, неяркая

губная помада подчеркивала ее маленькие аккуратные губы. Острый, чуть вздернутый носик придавал лицу задор и молодость, нежный румянец гладких, практически без морщин, щек оттенял красноту рубиновых сережек в ушах. На хозяйке было бордовое шерстяное платье – длинное, ниже икр, с белой кружевной шалью, небрежно накинутой на плечи. Рубиновая брошь сверкала под ослепительной белизны воротничком.

– Элла Ивановна – это я, – доложила хозяйка, хотя я и так догадалась об этом.

– Очень приятно, – кивнула я в ответ.

Она отступила в глубь коридора, пропуская меня внутрь.

– Простите, вам нетрудно будет переобуться? У нас, знаете, паркет...

Квартира Белохвостиковых напоминала скорее музей – повсюду висели картины в рамах, пастели, карандашные зарисовки, на секретере, ломберных столиках, в стенке за стеклом стояли фарфоровые и бронзовые статуэтки. Кажется, у ее сестры тоже дома были картины и статуэтки, вспомнила я, во всяком случае, Кирилл, сослуживец Андрея, говорил ему об этом. Хозяйка заметила, что я оглядываюсь, и поспешила предварить мой вопрос:

– Я работаю в музее, я – экскурсовод. А это – это скорее хобби.

– Копии? – догадалась я.

– Вот именно: *копии*, а не подделки, как выражаются неко-

которые невежды. Хотя здесь в основном работы хороших копиистов. Вот это, например, копия с картины Васнецова «Сирин и алконост», работа Сусекина, это – Врубель, «Валькирия», копия неизвестного художника, но копия очень хорошая! А это – пейзажи Володи Мошникова, нашего тарасовского художника-живописца. Заметьте: это – подлинники, и я горжусь этим. Володя – умница, я от него в восторге! Несколько его картин и в нашем музее висят.

– Элла Ивановна, мне бы хотелось поговорить с вами о вашем внуке, – напомнила я ей причину моего визита.

– Да, конечно, – вздохнула хозяйка. – Присаживайтесь сюда.

Она указала рукой на глубокое старинное кресло возле изящного журнального столика. И кресло, и столик были выполнены в стиле девятнадцатого века. Женщина забрала с кресла свое вязание – длинные толстые спицы с ажурным изделием на них, и я опустилась на мягкое сиденье, поставив сумку на пол, на ковер.

– А вас, наверное, удивляет, что я так спокойно отношусь к тому, что мой внук сидит в кутузке?

Я предпочла промолчать, но Элла Ивановна расценила мое молчание по-своему.

– Поверьте, это так только кажется, – вздохнула она, садясь на диван напротив меня. – Я вовсе не спокойна, сердце просто заходится от одной мысли... Но Роман принес нам столько горя! Вы не представляете! Мы возлагали на него

такие надежды! Он ведь мог быть чемпионом в своем фехтовании, а он... Женился черт знает на ком! Это такая семья! Ужас! Вы даже представить себе не можете... Отец жены Романа – уголовник, мать – алкоголичка, торгашка паленой водкой! Это же просто жуть! Где у него были глаза?! Разве мы так его воспитывали? Разве к такому готовили? И разве такая девушка должна была войти в нашу семью?! Вернее, в семью моего сына...

Элла Ивановна достала откуда-то платочек и приложила к глазам. Я заметила, что по лицу ее и шее пошли красные пятна. Я перевела глаза на статуэтку, стоящую на высокой тумбе за ее спиной. Бронзовый обнаженный юноша занес свой короткий меч над чудовищем с телом человека и головой быка. Еще мгновение – и Минотавр будет повержен. Я невольно залюбовалась работой неизвестного мне мастера. Хозяйка перехватила мой взгляд.

– Это Бари. «Бой Тесея с Минотавром», – сказала она грустно. – Я уверена, вы слышали эту легенду. Царь Крита приказал ежегодно приносить Минотавру в жертву семь афинских юношей и семь девушек. Жестокие были времена! Когда вместе с жертвами на остров прибыл Тесей, в него влюбилась дочь Миноса, Ариадна... Господи, о чем я?! Ромочку подозревают в убийстве...

Элла Ивановна снова поднесла платочек к глазам. Я увидела, как на них блеснули слезы.

– Он не мог, правда, Татьяна, не мог! Мы воспитывали в

нем порядочность и благородство, а теперь говорят, что он воткнул рапиру в глаз Ахолии! Господи! Это просто дикость какая-то! Нет, нет, это не он...

– Элла Ивановна, а эта история со свадьбой Романа, – осторожно сказала я, – правда, что вы...

– Спрятали его одежду? Да! – Хозяйка гордо выпрямилась на своем диване, в ее голосе послышался вызов. – Мы решили всеми силами воспротивиться этой дурацкой свадьбе. Это же надо было додуматься до такого: жениться на этой... хм, этой...

– А ваша сестра, как я поняла, помогла молодым?

– Помогла, черт бы ее побрал! Да разве это была помощь?! Она же нашему Ромочке жизнь испортила, идиотка!

Я внимательно посмотрела на Эллу Ивановну. Нет, она еще держала себя в руках, но лицо ее еще больше пошло пятнами.

– Своих детей и внуков нет, так она моим нагадила!.. Извините, конечно, Татьяна, вы – посторонний человек, и я не должна вам говорить такое... Это наше, семейное... Но, поверьте, просто сил никаких нет. Иной раз думаешь: надо было давно отравить ее, и желательно еще в детстве, тогда, по крайней мере, не пострадали бы мои близкие...

Хозяйка отвернулась к окну и теперь сидела ко мне в профиль. Сейчас она была похожа на какую-то графиню или герцогиню. Помолчав с минуту и, очевидно, придя немного в себя, Элла Ивановна продолжила:

– Хотя что ее винить?! Я считаю, это наш отец во всем виноват.

– Ваш отец? – удивилась я. – Но чем?

– Вы слышали о... Да нет, наверное, вы слишком молоды для этого... Наш отец – профессор истории Ягудин. Когда-то он был знаменит, а уж в нашем Тарасове его все знали. У него вышло довольно много книг и монографий. Но он был, мягко говоря, с большими странностями. Видите ли, женись на нашей маме, он мечтал о сыновьях. Вот просто спал и видел: иметь двух или трех сыновей. И чтобы они тоже были историками, как он. Но... Первой родилась девочка. Отец страшно расстроился, даже накричал на маму и назвал дочку Ахолией. В переводе с греческого это значит «злая, жестокая». Как вам такое, Татьяна?

Элла Ивановна посмотрела на меня. Что я могла ей ответить? Я только сочувственно покачала головой, мол, да, ужас! Не имя, а Божье наказание.

– А менее чем через три года родилась я. Когда отец узнал, что у него снова девочка, он, представьте себе, напился, а маму встречать из роддома даже не пришел! Никто из его друзей-ученых и учеников и не догадывался, что он такой самодур. Мама страшно переживала, плакала, у нее даже молоко пропало от расстройства. А отец назвал меня... Вы думаете, мое имя Элла? Нет. Я – Аэлла, что на том же греческом – папином любимом языке – значит «буря». Ну и как вам такое? – Хозяйка смотрела на меня, ища в моих глазах

сочувствия.

– Впечатляет, – кивнула я, не торопясь, правда, выражать это самое сочувствие.

– Дурацкое имя, не правда ли? Получая паспорт, я его сменила. Да все и так звали меня просто Эллой, всегда, с садика. А Ахолия предпочла остаться с папочкиным именем, ее, видите ли, все устраивало. Но я думаю, она сделала это из вредности: мол, назвали меня злокой, так нате вам, получите!

– Элла Ивановна, скажите, пожалуйста, вы с сестрой дружно жили? – осмелилась спросить я. – Только прошу вас ответить, извините, честно.

Женщина посмотрела на меня с недоумением.

– Дружно? Что вы такое говорите, Татьяна?! Да с ней никто не мог ужиться, даже собственный отец. Даже мама, а уж у нее был просто ангельский характер. Ахолия ругалась со всеми. Хотя... здесь все-таки во многом виноват отец. Да. Он был очень груб с нами, с дочерьми и женой, временами его требования были просто несуразными. Например, когда сестре было девять лет, он заставил ее прочесть его книгу о гарпиях. Это такие существа в древнегреческой мифологии – полуптицы-полулюди, дочери морского божества Тавманта. Они исполняли наказания, посланные людям богами. Я помню, что книга была сложной, отец ссылался на свои находки и работы других авторов. Представьте, каково это было читать девятилетней девочке!

– И она прочитала? – спросила я.

– Да, от корки до корки, отец просто заставил ее сделать это в наказание за что-то... я точно не помню, за что именно.

– Жестко, – согласилась я.

– Самое интересное, что эти гарпии в средневековой литературе стали символами жадности, ненасытности и нечистоплотности. Считалось, что они нападают на скупцов. Образ гарпии в геральдике означает свирепость в ответ на провокацию или символ порока и страстей. И знаете, Татьяна, что я думаю, Ахолия, прочитав эту книгу, сама решила стать как гарпия. Да, да. Мы все испытывали на себе тиранию отца, но ведь мы с мамой не обозлились, не стали жестокими и черствыми. Мы несли свой крест с терпением и достоинством. А вот Ахолия... Она стала грубить мне и маме, потом и отцу тоже. Она стала злой и жесткой, переговаривалась в школе с учителями, а одноклассников дразнила и обзывала, ябедничала на них. Понемногу ее стали ненавидеть абсолютно все. Одноклассники называли ее не Ягудина, а Я-гадина, так и писали на доске и на ее парте. От этого она свирепела, выходила из себя и кидалась на обидчиков с кулаками. Никто не дружил с ней, и Ахолия озлоблялась все больше...

– Неужели она не понимала, что таким поведением только отталкивает от себя всех? – спросила я.

– Кто знает, может, и понимала, только остановиться уже не могла, и врагов с каждым днем у нее становилось все больше. Меня она тоже ненавидела, думаю, еще и потому, что

мама часто ставила меня ей в пример: вот, мол, Элла у нас – добрая, отзывчивая девочка, не грубит маме, и подруг у нее много, а ты, Холя...

– Но это скорее только подливало масла в огонь, – предположила я.

Хозяйка кивнула:

– Да, сестра меня просто не выносила. И вредила мне, чем только могла: воровала у меня вещи, так, всякую мелочь – заколки, ленты в косы, потом и кое-что из одежды. Я не жаловалась маме, нет, мне ее было очень жалко: ей и так доставалось от папы, чтобы еще и наши с сестрой разборки разбирать. А вот Холка иногда ходила к матери и говорила про меня разные гадости: то я с мальчиком встречаюсь – а я тогда училась в восьмом классе, и такое у нас было не принято, время было не то, сами понимаете. То я гуляю с дворовым хулиганом, от которого весь двор стонет, и он учит меня курить... Откуда она брала эти истории? Зачем трепала маме нервы? Неужели не понимала, что она ужасно расстраивается?! Сначала мама ей верила и страшно переживала из-за меня, потом, когда убедилась, что Холка все врет, и врет постоянно, расстраивалась из-за того, что мы – родные сестры, а живем друг с другом хуже лютых врагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.